

Александр Амфитеатров

Алексей Александрович

Остроумов

Александр Амфитеатров
**Алексей Александрович
Остроумов**

«Public Domain»

1912

Амфитеатров А. В.

Алексей Александрович Остроумов / А. В. Амфитеатров —
«Public Domain», 1912

«Летом 1908 г. тихо и почти незаметно исчез из жизни человек, по профессии врач, пользовавшийся долгою и громкою всероссийскою известностью, а вернее будет сказать – даже знаменитостью. Человека этого с самой ранней молодости звали и почитали прямым преемником Боткина и Захарьина. Уже к тридцати годам он слыл в Москве под шутовскую кличку „Пантелеймона-целителя“, а к сорока годам гремел от хладных финских скал до пламенной Колхиды как самый дорогой врач земли русской, к которому и подступа нет, и – уж если Остроумов не поможет, так никто не поможет!..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Александр Валентинович Амфитеатров Алексей Александрович Остроумов

Летом 1908 г. тихо и почти незаметно исчез из жизни человек, по профессии врач, пользовавшийся долгою и громкою всероссийскою известностью, а вернее будет сказать – даже знаменитостью. Человека этого с самой ранней молодости звали и почитали прямым преемником Боткина и Захарьина. Уже к тридцати годам он слыл в Москве под шутливую кличку «Пантелеймона-целителя», а к сорока годам гремел от хладных финских скал до пламенной Колхиды как самый дорогой врач земли русской, к которому и подступа нет, и – уж если Остроумов не поможет, так никто не поможет! Но весьма скоро этот великий знахарь и чудотворец, – наживший себе в короткий срок состояние большое, однако не огромное, – вдруг как будто устал или разочаровался в своей науке. Начал понемногу уклоняться от практики, потом совсем ее забросил, поселился в глухом уголке Черноморского побережья и, – мрачный, точно могучий зверь какой-то, ушедший в свою берлогу, чтобы умереть – себе спокойно и людям не видно, – выползал на зовы человеческие лишь в самых экстренных и необходимых, почти уже исторических, так сказать, обстоятельствах. Появление Остроумова у кровати того или иного знаменитого больного стало для газетчиков символом, что – на завтра, значит, надо готовить некролог. Его всегда звали слишком поздно. Он приходил уже как бы ангелом смерти: проверить всю самозащиту больного организма против смерти, укорить ошибки, ускорившие угасание жизни, облегчить возбуждающим обманом минуты последних страданий и сказать родным и консультантам: «Jam moritur!»¹ Это роковое соседство с гробовщиком преждевременно составило его мощную богатырскую на вид натуру, разбило крепкие бурсацкие нервы, вымрачило веселый, жизнерадостный характер. Чем славнее становилось его имя, тем более ненавидел он практику, тем больше презирал толпу, суеверно стучающуюся в двери врача, с тайной надеждою найти знахаря, тем обиднее сомневался в силах и необходимости своих таинств.

Я не знал А. А. Остроумова в старости и потому выше-напечатанную характеристику внутренней трагедии, жившей в нем, оставляю на ответственности лиц, о том мне повествовавших. Но она нисколько не противоречит тем воспоминаниям, которые сохранил я об Остроумове конца семидесятых и первой половины восьмидесятых годов, в самый пышный расцвет молодой его славы. А тогда я видал его много и часто, так как он был ближайшим другом Александра Ивановича Чупрова, также скончавшегося в этом году, моего родного дяди по матери. В чупровском кружке, среди которого прошли мое отрочество и университетская юность, А. А. Остроумов был свой, родной человек. Настолько, что, например, даже двадцатилетнему и позже он продолжал говорить мне «ты» и «Саша», как в ранние детские годы. И в нашей семье, и у Чупровых Остроумов был авторитетом полубожественным. Случаев наблюдать его и как человека, и как врача было множество. В своих статьях об А. И. Чупрове я указывал, что бедствием и страхом жизни его был наследственный туберкулез, пощадивший его самого, но убивший большинство его сестер и братьев. В сказанный период чахотка косила чупровскую семью беспощадно: последовательно умерли молодыми Владимир, Иван, мать моя Елизавета Ивановна, заболели: Алексей Иванович и Марья Ивановна. Все они были пациентами Остроумова и его любимого ассистента, ныне популярного профессора В. Д. Шервинского. Поэтому и живых рассказов об Остроумове, и посещения Остроумова мы имели немало. Я лично торжественно благоговел пред ним, обязанный к тому, помимо уже всех отвлеченных симпатий, прямою и живою благодарностью: в 1879 году он вылечил меня от дифтерита, а через год от острого катара кишок. Кажется, это был первый случай в России, и наверное знаю, что первый в Москве, когда к лечению дифтерита был применен бензойный натр. Очень хорошо помню:

---

¹ «Уже обречен на смерть!» (лат.)

когда я уже выздоравливал, Остроумов рассказывал, что он сделал о моем лечении доклад в медицинском обществе, как о замечательно счастливом опыте исцеления тяжелой формы дифтерита посредством бензойного натра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.